

Разбойники на Кавказѣ.

(Очеркъ).

Чуть ли каждый мѣсяцъ телеграммы съ Кавказа извѣщаютъ жителей Европейской Россіи о возбужденныхъ нападеніяхъ разбойниковъ: то на заводы, то на поѣзда владикавказской и закавказской ж. д., то на деревни, учебныя экспедиціи и т. д. О нападеніяхъ на деревни, на отдѣльныхъ лицъ, единичныхъ убійствахъ, обыкновенно, уже въ возбуждается центральной Россіи, хотя въ кавказскихъ газетахъ такіе случаи можно встрѣтить почти ежедневно. Пишутъ въ Россію только о такихъ крупныхъ событіяхъ, какъ нападеніе на пассажирскій поѣздъ владикавказской ж. д., выдающееся по своей дерзости. Нападеніе это было совершено въ Іюль 1893 г. среди бѣлаго дня, и чомъ въ то время какъ одна часть наездниковъ шайки обстрѣливала стоявшій у станціи поѣздъ, другая зарѣзала на платформѣ въ виду перепуганной ружейной палаты пуляна артельщика, развозившаго по станціи нагорья, срѣзала съ него сумку съ деньгами и благополучно скрылась. Сообщаю о такомъ происшествіи, какъ о битвѣ

полусотни казаковъ съ шайкой, напавшей на лакричный заводъ Урхгардта въ Уджарахъ, битвѣ, продолжавшейся нѣсколько часовъ, при чемъ изъ строя казаковъ вышло шесть человекъ убитыми и ранеными, а у разбойниковъ—пять, послѣ чего разбойники благополучно успѣли отступить къ персидской границѣ и перейти ее съ награбленной на заводъ добычей. Происшествіе нѣсколько странное для конца XIX вѣка, который выдумалъ снаряды, способные сразу уничтожить чуть не цѣлую армию, но которые при этомъ не въ состояніи справиться съ шайкой разбойниковъ, разоряющихъ цѣлыя области.

Но суть собственно не въ томъ, что шайки горцевъ нападаютъ на топографическую экспедицію, какъ недавно сообщили газеты, а въ томъ, что эти шайки терроризируютъ и периодически разоряютъ деревенское и аульное населеніе трехъ пограничныхъ съ Персіей губерній—бакинской, елизаветпольской и эриванской. Отъ разбойниковъ терпятъ колоніи нашихъ сектантовъ, аулы татаръ, грузинскія деревни, путешественники, если они не сопровождаются достаточно грознымъ конвоемъ, торговцы и т. д., и въ общемъ какой-нибудь Кара Наби въ Закавказьѣ играетъ ту же роль, что „красный пѣтухъ“ въ соломенной Руси.

Обратите вниманіе хотя бы на этого Наби, убитаго весной текущаго года въ Персіи. Онъ появился въ Закавказьѣ въ 1887 г. и почти десять лѣтъ навелъ страхъ и ужасъ на населеніе, грабя и безпощадно мучая всѣхъ, кто попадалъ въ его руки.

Ежегодно, съ наступленіемъ весеннихъ дней, онъ являлся среди деревень одной изъ названныхъ губерній съ шайкой головорѣзовъ, прекрасно дисциплинированныхъ и отлично вооруженныхъ, являлся и начиналъ оперировать. Онъ начиналъ довольно миролюбиво: такъ, напримѣръ, въ 1892 г. онъ явился въ колонію молочанъ и заявилъ о своемъ желаніи получить съ нихъ „маленькій бакшишъ“ въ размѣрѣ 3,000 руб. Ему уплатили, ибо его желаніе поддерживалось полусотней превосходныхъ винчестеровскихъ ружей, находившихся въ рукахъ людей, лишенныхъ всякой щепетильности. Вскорѣ онъ явился снова и приказалъ собрать еще двѣ тысячи. Молокаве отказали и горько заплатились за свою продерзость. Что можно было сжечь у нихъ—было сожжено, что представляло хоть какую-нибудь цѣнность—разграблено, трое убито, восемь человекъ ранено, масса женщинъ были изнасилованы. Такъ этотъ Кара Наби дѣйствовалъ все лѣто, счастливо укрываясь отъ преслѣдованій, а поздней осенью переправлялся въ Персію, гдѣ и отдыхалъ отъ понесенныхъ трудовъ до зимы.

О немъ знали всѣ племена Закавказья и всѣ говорили о немъ съ ужасомъ; его именемъ матери пугали дѣтей, а мелкіе мошенники пользовались имъ для шантажей, запугивая зажиточныхъ людей тѣмъ, что если они не заплатятъ Наби столько-то въ видѣ откупа, — онъ самъ придетъ за деньгами. Это значило очень много, запуганные и беззащитные кавказцы склады-

вались по столыку-то съ души и несли деньги въ определенное мѣсто. Не рѣдко случилось, что на другой-же день являлся самъ Наби и, не обращая вниманія на заявленіе „жителей аула объ уплатѣ ими бакшиша“,—жегъ аулъ и мучилъ жителей допытываясь, гдѣ у нихъ спрятаны деньги и цѣнные вещи. Почти каждый его набѣгъ сопровождался убійствами, въ то время какъ другіе разбойники, не менѣе знаменитые— Керимъ и Самматъ, старались избѣгать убійствъ. О Наби среди жителей Закавказья не осталось ничего кромѣ проклятій его имени при воспоминаніи о немъ. Это былъ жестокій человѣкъ, звѣрски любившій кровь, судя по рассказамъ о немъ и сравнивая эти рассказы съ массой легендъ и анекдотовъ, рисующихъ Керима, Саммата и Хайбуллау какъ разбойниковъ-рыцарей.

Вотъ характерный рассказъ корреспондента армянской газеты *Мшакъ* изъ Урміи, персидскаго города, гдѣ жилъ и въ мартѣ былъ убитъ Наби. „Пришелъ Наби въ домъ своего разбойника товарища, въ село Ларни—онъ влюбленъ былъ въ жену товарища, — пришелъ, разграбилъ все имущество и драгоценности друга и сказалъ женѣ его—„бѣжимъ со мной!“ Она сказала, что у ней есть мужъ, и другого ей не надо. „Такъ я убью твоего мужа, сказалъ Наби, убью его и ты будешь свободна и будешь моей женой“. „Нѣтъ, сказала она, тогда ты получишь только одинъ холодный трупъ хорошенькой женщины, такъ какъ я отравлюсь и соединюсь съ своимъ мужемъ“. Разсердился Наби, изнасиловалъ ее и ушелъ. Пришелъ ея мужъ и она ему все рассказала. Тогда и онъ разсердился и сказалъ ей: „молчи, я ему отомщу!“ И вотъ онъ вечеромъ устроилъ съ товарищами засаду въ томъ мѣстѣ, куда Наби приходилъ каждый день гулять—что было на берегу рѣки. Пришелъ Наби и, наклонясь надъ водой, сталъ мыть руки и лицо—а въ него въ это время и выстрѣлили. Увидалъ Наби враговъ и сказалъ имъ: „Ахъ вы проклятые, вы вѣдь меня убили! И взялся самъ за ружье. Но они еще разъ выстрѣлили, и тогда онъ упалъ и умеръ“.

Одновременно фактъ смерти этого бича населенія трехъ губерній былъ засвидѣтельствованъ официальной тифлисской газетой *Кавказъ*. Но смерть Наби едва-ли дастъ время населенію оправиться отъ тѣхъ уроновъ, которые онъ нанесъ ему при своей жизни—уже и теперь мѣсто Наби занято новыми разбойниками, которые, быть можетъ, потому будутъ менѣе вредны, что не будутъ такъ жестоки, какъ былъ онъ.

Наби, Керимъ, Самматъ, Хайбулла, Тато Цулукидзе... Романическіе разбойники, громадные шайки, задающія правильныя сраженія не только населенію ауловъ, но и казацкимъ командамъ,—все это странно на зарѣ ХХ вѣка, не правда-ли? Какимъ образомъ все это допустимо и возможно на Кавказѣ, гдѣ у насъ масса войскъ, и неужели мѣстная администрація не въ состояніи подавить эти хроническіе разбои, разоряющіе населеніе не хуже града, мора,

труса, „краснаго пѣтуха“ и другихъ несчастій?..

Одну сторону этого вопроса довольно вѣрно свѣщаетъ г. Лахвари въ статьѣ „Почему возможны на Кавказѣ разбои?“ помѣщенной въ маѣ т. г. въ *С.-Петербург. Вѣдомостяхъ*.

По его мнѣнію, „главная вина въ безсиліи мѣстной власти искоренить разбойничество и грабежи въ этой странѣ лежитъ, главнымъ образомъ, въ организаціи и составѣ сельской полиціи Закавказья, роль которой тамъ исполняетъ такъ-называемая земская стража“. „Сельская полиція,—говоритъ онъ,—производитъ крайне оригинальное впечатлѣніе на посторонняго зрителя, когда она красуется въ рваныхъ, засаленныхъ черкескахъ, съ однимъ уцѣлѣвшимъ краснымъ погономъ, на какомъ-нибудь плечѣ, верхомъ на заморенныхъ, избитыхъ кляченкахъ. Рѣдко человѣкъ, незнакомый съ краемъ не испугается, завидя гдѣ-нибудь на дорогѣ приближеніе бюстителей порядка, принявъ ихъ за разбойниковъ“.

„Главные занятія чапаръ (полицейскіе нижніе чины) состоятъ: въ сопровожденіи начальства, конвоированіи почтъ и арестантовъ, развозкѣ казенныхъ пакетовъ или частныхъ писемъ, а также въ наказаніи, по приказанію лицъ вышестоящихъ, или по собственному усмотрѣнію, мѣстныхъ жителей нагайками или плетью.“

„Занятые вышеизложенными побочными служебными дѣлами, а также вслѣдствіе своей малочисленности (не болѣе одного стражника на 800—1000 жителей и на сорокъ квадратныхъ верстъ), нижніе чины земской стражи не имѣютъ никакой физической возможности исполнять свои прямыя полицейскія обязанности“.

Возможно-ли посылать преступниковъ подъ конвоемъ столь курьезныхъ и такъ занятыхъ воиновъ и ставить такую армію, какъ чапары, противъ разбойниковъ, всегда прекрасно и богато вооруженныхъ?

Мѣстное населеніе, видя безсиліе властей и понуждаемое разбойниками, жестоко расправляющимися съ непокорными, поневолѣ оказываетъ имъ нѣкоторое содѣйствіе, доставляя провіантъ и гостепріимство.

Да иначе и быть не можетъ!

Что можетъ сдѣлать таборъ бѣдныхъ кочевниковъ въ двадцать-тридцать семействъ, затерянный въ глуши Малокавказскаго хребта, при появленіи грознаго разбойника, съ десяткомъ-двумя товарищей, вооруженныхъ берданками Пибоди и магазинками Винчестера, какъ не выслать стариковъ съ покорною просьбою принять хлѣбъ-соль, обмѣнить усталыхъ лошадей шайки на свѣжихъ, а при требованіи и выслать молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ въ распоряженіе шайки?

Отвращеніе населенія оказывать помощь полиціи, при поимки разбойниковъ, заключается также въ томъ обстоятельствѣ, что три четверти пойманныхъ преступниковъ умудряются, при помощи какихъ-то весьма темныхъ средствъ, бѣжать изъ мѣстъ заключенія или съ пути, когда препровождаются въ тюрьмы.

Бѣглецы жестоко мстятъ предавшимъ ихъ въ руки властей. Бывали случаи, когда они поголовно вырѣзали, послѣ страшныхъ пытокъ, цѣлыя семейства лицъ, которыхъ они считали виновниками своего ареста.

Понятно, что населеніе, видя подобныя страшныя примѣры, не особенно охотно оказываетъ содѣйствіе властямъ, тѣмъ болѣе, что разбойники весьма щедро расплачиваются за гостепріимство и, по мѣрѣ силъ, оказываютъ покровительство своимъ укрывателямъ при спорѣ послѣднихъ съ односельчанами изъ-за земель, скота и прочаго.

Керимъ,—разбойникъ, такъ сильно облеченный въ уборы легендарныхъ рассказовъ о немъ, что можно было-бы не вѣрить въ его существованіе, если-бы онъ не былъ до сего дня живъ и не находился, по свѣдѣніямъ кавказской администраціи, въ Персіи на скужбѣ шаха въ качествѣ какой-то особы при дворѣ въ Тегеранѣ,—этотъ Керимъ, нынѣ персидскій вельможа, весьма часто игралъ роль судьи въ спорахъ ауловъ, семействъ и отдѣльныхъ лицъ, и всегда игралъ эту роль очень добросовѣстно и справедливо. Но вчерашній Соломонъ никогда не стѣснялся назавтра являться разбойникомъ и собирать съ населенія потребную ему дань. Одинъ изъ уѣздныхъ начальниковъ, трижды ловившій этого Керима, однажды совсѣмъ-было поймалъ его—на глазахъ начальника и его чапаровъ Керимъ прыгнулъ въ окно одной сакли. Саклю моментально оцѣпили... Но никто изъ чапаровъ не шелъ въ нее и никто не выходилъ изъ нея. Наконецъ вышелъ—буйволь-теленокъ. Вышелъ, посмотрѣлъ на чапаровъ, все не рѣшавшихся войти въ саклю, на начальника, понукавшаго ихъ, одного чапара даже понюхалъ, получилъ отъ него щелчка въ носъ, и благополучно ушелъ со двора сакли вонъ, на улицу аула. Наконецъ рѣшились войти въ саклю и нашли въ ней—курицу. Керима не было нигдѣ... Повѣся носъ, начальникъ съ командой поѣхалъ прочь отъ сакли и нашелъ на дорогѣ... шкуру буйвола. Онъ рассказывалъ этотъ фактъ, такъ похожій на анекдотъ, въ присутствіи пишущаго эти строки и, сказавъ, высказалъ подозрѣніе, что тотъ чапаръ, котораго нюхалъ теленокъ, давно уже снюхался съ Керимомъ и преспокойно пропустилъ его мимо себя въ шкурѣ буйвола. Помимо приведенныхъ г. Лохвари фактовъ не малую роль въ отношеніяхъ мѣстнаго населенія къ разбойникамъ играютъ легенды и анекдоты, рисующіе Керима и К^о людьми рыцарскаго характера, строго справедливыми защитниками правъ туземцевъ отъ посягательства на нихъ со стороны армянъ и русскихъ. Пылкое и очень романическое воображеніе кавказцевъ позволяетъ имъ рисовать себѣ Керимовъ и Самматовъ—до встрѣчи съ ними,—какъ героевъ, вызываетъ къ жизни нѣкоторый культъ обожанія разбойниковъ и часто разныя горячія головы являются пособниками въ разбояхъ и въ укрывательствѣ разбойниковъ, не изъ боязни возмездія, а только изъ жажды знакомства съ героемъ,

изъ желанія быть чѣмъ нибудь для него. Героическое, какъ и таинственное, въ большемъ спросѣ на Кавказѣ; это объясняется и темпераментомъ и исторіей горцевъ, и именно этимъ обстоятельствомъ въ большинствѣ случаевъ могутъ быть объяснены таинственные побѣги изъ тюремъ арестованныхъ преступниковъ и странныя неудачи погонь за разбойниками.

Для иллюстраціи того, какъ именно бѣгаютъ кавказскіе разбойники, г. Лахвари приводитъ такой фактъ. Тато Пулукидзе, знаменитый разбойникъ, приводившій въ трепетъ весь Тифлисъ своими дерзкими грабежами и убійствами (нынѣ повѣщенный), первоначально былъ задержанъ по подозрѣнію въ какой-то незначительной кражѣ. Слѣдователь, получивши полицейскій актъ, не могъ своевременно допросить Тато и постановилъ въ виду того, что Тато Пулукидзе человѣкъ весьма „подозрительный“, оставить его подъ арестомъ при полиціи. Но полиція вскорѣ донесла слѣдователю, что „Пулукидзе, по несосторожности полицейскаго служителя Коета Давлишвили бѣжалъ, и къ розыску его приняты мѣры“. Онъ былъ розысканъ какъ разъ черезъ четыре года, въ теченіе которыхъ онъ держалъ въ страхѣ Тифлисъ и успѣлъ совершить восемь убійствъ и десятка полтора разбоевъ. Его приговорили къ каторгѣ, но однажды, когда его вели изъ тюрьмы къ слѣдователю для производства еще какого-то дополнительнаго дознанія—онъ опять бѣжалъ. Бѣгство произошло около „духана“, гдѣ остановились арестантъ и конвойные для того, чтобы дружески распить кувшинъ вина. Послѣ этого бѣгства Пулукидзе долго еще, —почти три года—убивалъ и грабилъ, пока наконецъ его не поймали;—военный судъ приговорилъ его къ висѣлицѣ. Двое разбойниковъ, участвовавшихъ въ вооруженномъ нападеніи на ученую Муганскую экспедицію въ апрѣлѣ т. г., были пойманы и посланы подъ конвоемъ четверыхъ чапаровъ въ острогъ, но по дорогѣ черезъ Муганскую степь—они бѣжали или были выпущены стражниками. Бывали также случаи, что арестанты исчезали вмѣстѣ съ конвоирами и года черезъ два—три конвоиры попадали въ руки правосудія какъ разбойники. Бѣглецы, обыкновенно, переходятъ границу Турціи или Персіи и спокойно устраиваются тамъ на средства, награбленные въ Закавказьѣ и заранѣе отправленные къ знакомому человѣку, а когда эти средства изсякнутъ, снова формируется шайка, переходитъ русскую границу и принимается за свое разоряющее населенія ремесло или-же примыкаетъ къ бродячимъ шайкамъ курдовъ и ведетъ съ ними вольную боевую жизнь.

Для характеристики отношенія кавказскаго населенія къ разбойникамъ я приведу нѣсколько фактовъ и легендъ, подчеркивающихъ указанія на „культъ“, какъ на одинъ изъ факторовъ, способствующихъ процвѣтанію разбоевъ и безопасности разбойниковъ.

М. Горькій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Разбойники на Кавказѣ.

(Очеркъ. *)

II.

Керимъ.

Въ высшей степени странно и трудно объяснить тотъ фактъ, что легендарные рассказы о Керимѣ встрѣчаются уже въ кубанской области, среди нашего почтеннаго, благочестиваго и довольно-таки черстваго казачества. Казалось-бы, что романтизмъ не можетъ имѣть мѣста среди этихъ солидныхъ и бородатыхъ зажиточныхъ влиновъ, такъ хорошо устроившихся въ своихъ станицахъ, которыя очень рѣдко уступаютъ въ красотѣ и достаткѣ такимъ приволжскимъ „городамъ“, какъ Васильсурскъ, Сунлырь и т. п., и такъ богато надѣленныхъ сочными, черноземными степями. Но должно быть стремленіе къ романтизму и поклоненіе культу героевъ лежитъ очень глубоко въ натурѣ человѣка, такъ какъ кубанское казачество рисуетъ себѣ Керима чѣмъ-то вродѣ Ринальдо-Ринальдини, а это то именно и странно. Во-первыхъ, Керимъ въ Кубани не былъ, оперируя исключительно въ Закавказьѣ, а во-вторыхъ, онъ грабилъ только русскихъ и армянъ, никогда, какъ это засвидѣтельствовано властями, не посягая на жизнь и собственность не только своихъ единовѣрцевъ магометанъ, но даже и грузинъ—православныхъ и католиковъ. Керимъ—елизаветпольскій татаринъ „бэкъ“, разоренный какимъ-то земельнымъ процессомъ съ богатымъ и влиятельнымъ русскимъ землевладѣльцемъ.

Вотъ два разсказа о его рыцарскомъ характерѣ, записанныхъ мною въ станицѣ Божедуховской со словъ казака Капитона Чернаго. Однажды поселенецъ-хохолъ, продавъ пару воловъ на базарѣ въ Лабинской, возвращаясь къ себѣ домой, идя берегомъ Лабы. Другъ изъ воловъ прыгнулъ ему на встрѣчу черкесъ съ кинжаломъ въ рукѣ.

— Я—Керимъ!—сказалъ онъ.

Хохолъ зная, кто таковъ Керимъ, и безприкословно отвязавъ отъ гашника „кышени“, дрожа отъ испуга вручилъ ее разбойнику. Тотъ выхватилъ деньги и быстро скрылся въ кустахъ, а пораженный несчастіемъ хохолъ сѣлъ на берегу рѣки и завывалъ съ горя.

— Чего рвешь?—спросилъ его маленькій человекъ съ сѣдломъ на плечѣ, незамѣтно появившійся предъ нимъ. Хохолъ разсказалъ ему о своемъ несчастіи, и человекъ этотъ, разспросивъ его въ какую сторону ушелъ Керимъ, сказалъ хохлу:

— Сиди и жди меня...

Потомъ онъ свистнулъ, и вотъ предъ нимъ явился черный конь; человекъ бросилъ на коня сѣдло съ своего плеча, вскочилъ въ сѣдло самъ, гикнулъ и исчезъ, а хохолъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ и пошелъ своей дорогой, думая, что ожиданіе не воротить ему денегъ, отнятыхъ Керимомъ. Онъ уже много прошелъ, какъ вдругъ за нимъ послышался топотъ коня и увидалъ хохолъ, что это скачетъ Керимъ на черной лошади маленькаго человекъ, а маленькій человекъ сидитъ сзади его. Доскакали они до хохла, оба спѣшились и маленькій человекъ спросилъ, указывая на Керима.

— Этотъ-ли Керимъ?

— Онъ, — отвѣтилъ хохолъ, чувствуя ужасъ предъ маленькимъ человекомъ, который тоже былъ въ папахѣ и въ чехѣ, а глаза были у него зеленые, какъ у вѣдьмы.

— Этотъ!? Ну такъ онъ вралъ тебѣ какъ собака — не онъ Керимъ, а я! Смотри на меня и запомни, какой я. Вотъ тебѣ тѣ деньги, что онъ отнялъ у тебя, только они не всѣ, я ихъ нашелъ для тебя и третью часть беру у тебя. Такъ слѣдуетъ по вашему, русскому закону—кто нашелъ что, тотъ беретъ себѣ треть находки. Бери. А чтобы ты другой разъ не смѣшалъ меня съ этимъ плохимъ человекомъ, у котораго должно-быть нѣтъ имени, потому что онъ мое взялъ себѣ—я замѣчу для тебя этого человекъ, чтобы ты и другой разъ не мѣшалъ меня съ нимъ. Смотри!

Тутъ настоящій Керимъ взялъ черкеса за воротъ поставилъ его на колѣни и оба уха ему отрѣзалъ кинжаломъ...

— Есть у тебя собака? — спросилъ онъ хохла.—На вотъ тебѣ уши этого человекъ: накорми ее ими...

И отпустилъ хохла...

Другая легенда такова.

Бздилъ Керимъ въ Турцію, хотѣлъ онъ поступить къ султану въ паши, но толь не сошелся онъ съ султаномъ и вотъ поѣхалъ опять въ Россію. Переплылъ море. Въ Новороссійскѣ его человекъ ждалъ съ конемъ. Сѣлъ Керимъ на коня и ѣдетъ по Кубани. Подъѣзжаетъ къ Тифлисской станицѣ—видитъ въ кустахъ казакъ съ двумя черкесами на шашкахъ бьется и одолеваетъ черкесы казака. Вотъ Керимъ подскочилъ къ нимъ, спѣшился и сталъ рядомъ съ казакъ. Черкесы узнали его.

— Керимъ! Зачѣмъ русскую собаку защищаешь?

А онъ имъ и говорить:

— Васъ двое на одного и коли вы оба одного не можете одолѣть, какая же вамъ цѣна? Пусть лучше вы оба и будите убиты, а храбрый человекъ останется живъ.

И посѣкъ онъ съ казакъ обоихъ черкесовъ, посѣкъ до смерти и поѣхали они

съ казакомъ въ станицу. Ёдутъ. Казакъ говорилъ Кериму хорошія слова, куначить съ нимъ общалъ и вдругъ—задумался. Смотритъ на него Керимъ съ боку и говорить ему.

— Знаю я, кунакъ, о чемъ ты думаешь, знаю. Думаешь ты, что хорошо-бы тебѣ выдать разбойника Керима. Вѣрно?..

Вздыхнулъ казакъ и говорить.

— А что-жь? Вѣрно... надо говорить правду, вѣрно Керимъ!

— А на что тебѣ нужно меня выдать? Для денегъ?—срашиваетъ Керимъ.

А казакъ говорить:

— Для денегъ, Керимъ. Очень мнѣ онѣ нужны, деньги-то. Разорилось мое хозяйство, хлѣбъ кто-то стравилъ, воли всѣ пали отъ чумы, а сватаюсь я къ эсауловой сестрѣ, люблю дѣвку больше себя, десять разъ сложилъ-бы голову за нее... но не отдаетъ ее мнѣ эсауль, потому что бѣденъ я...

И поникъ онъ, казакъ, головой. Вздыхнулъ и Керимъ.

— Я, говорить, это знаю... бывало тоже и со мной. Тебѣ я помогу... я тебѣ больше денегъ дамъ, чѣмъ ты могъ-бы за меня получить—хочешь?

— Давай!—говоритъ казакъ.

— Ну вотъ и хорошо!

Остановились они, снялъ Керимъ свое сѣдло съ лошади и подпоровъ его, выдалъ казаку сто двадцать русскихъ полуимперіаловъ—какъ едину денежку.

Казакъ ему въ ноги. „Братъ ты мой родной, говорить“! А Керимъ отвѣчаетъ:

— Гдѣ-же братъ—ты русскій, я мусульманинъ, ты казакъ—я разбойникъ... грѣшно предъ Богомъ изъ-за золота родниться! А въ станицу къ тебѣ я не поѣду, потому что хоть и есть у тебя деньги, но ты можешь быть еще ихъ захочешь, да и выдашь меня. Прощай!

Уѣхалъ онъ, Керимъ, а казакъ тифлисскій и по сю пору о немъ Господу Богу молится. Въ поминанье свое записалъ его именемъ Керима и каждую обѣдню за него частицу вынимаетъ.

Такъ рисуетъ себѣ кавказскаго разбойника кубанскій казакъ прозаичный и самодовольный человѣкъ, переполненный претензіями на исключительное положеніе среди своихъ соплеменниковъ, и всегда склонный жестоко эксплуатировать пришлаго на Кубань человѣка изъ Россіи, къ которому онъ относится скептически и презрительно, и котораго считаетъ лѣнтяемъ, пьяницей и воромъ, хотя самъ этотъ казакъ, обладая въ совершенствѣ первымъ качествомъ, чрезмѣрно склоненъ ко второму и далеко не чуждъ третьяго. Утрачивая понемногу казацкую широту натуры, матеріально облегченный онъ превращается въ мелкаго рантье, спокойно живетъ трудами чужихъ рукъ обрабатывающихъ его богатые поля и, не имѣя своихъ героевъ, создаетъ ихъ, какъ видите... Человѣкъ всегда нуждается въ героѣ.

М. Герькій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Разбойники на Кавказѣ.

(Очеркъ *).

III.

Самматъ.

Во время переѣзда черезъ Каспій изъ Баку въ Астрахань я познакомился въ симбирскимъ крестьяниномъ Лукой Ивановымъ Шамонинымъ. Это человекъ лѣтъ пятидесяти толстый, сытый, съ очень упрощенной моралью, и съ большимъ „достаткомъ“, —прямымъ результатомъ этой морали, семнадцать лѣтъ примѣнявшейся имъ въ глухомъ углу Шущинскаго округа. Онъ возвращался къ себѣ въ деревню „на покой“, и былъ преисполненъ сознаниемъ свершеннаго имъ долга—„нажилъ тыщенокъ подь полтора десятка, пора мнѣ и о душѣ моей напомнить Господу Богу“. Говорунъ, настроенный очень благодушно, но ни на минутку не забывавшій объ осторожности—онъ началъ рассказывать мнѣ о своей жизни въ Закавказьѣ и упомянулъ о тѣхъ бѣдахъ и уронахъ, которыя творять населенію разбойники. Я спросилъ его, что онъ слышалъ о Самматѣ.

— Много слышалъ... Гмъ—хе, хе! Кунакъ мой онъ, Самматъ-то. Хорошъ парень былъ, правильный. Конечно—разбойникъ, да вѣдь ужъ сторона такая, рукъ приложить не къ чему и народъ дикій. Города—

*) Продолженіе. См. №№ 309, 314 и 324.

на рѣдкость, околачиваться не у чего. Аулы бѣдныя. Ну, вотъ и живетъ около этой пустоты Саммать. Князь онъ, а дѣла дѣлать ему не съ кѣмъ. Скука. Кровь дикая. Болтался этотъ человѣкъ въ пустотѣ своей жизни—какъ одинъ орѣхъ въ большомъ мѣшкѣ. Ходилъ, бывало, ко мнѣ въ лавку.

Придетъ, сядетъ, закуритъ и спрашиваетъ—а какъ, говоритъ, у васъ въ Россіи? Рассказываешь ему... Тѣсно, говоришь? Кой, молъ, лѣшій меня понесъ-бы къ вамъ, кабы просторно-то было? Дружки мы съ нимъ были совсѣмъ. Силища у него—страшная... Ну, вотъ ходилъ онъ ко мнѣ, ходилъ и вдругъ пропалъ. Мнѣ даже скучно стало. Любознательный человѣкъ... интересно съ нимъ говорить. И вдругъ—пропалъ. И вскорѣ начали округъ насъ пошлавать. Баловали и раньше, но не въ тѣхъ порціяхъ, бывало зарѣжутъ за годъ человѣкъ шесть, восемь, а тутъ въ три мѣсяца одиннадцать душъ на чистую волю выпустили. Слышу говорятъ,—Саммать. Эхъ, думаю, утретъ онъ меня по знакомству-то! И вдругъ однажды, къ вечеру эдакъ, смотрю—прискакалъ. Ахъ ты песъ... Жена реветъ, я тоже струхнулъ, мѣсто у насъ—пустыня, хата и на тракту, войсковъ нѣтъ, уѣздный начальникъ за сорокъ пять верстъ, есть двое чапаръ, которые больше насчетъ сопровожденія почты, но такъ, въ военномъ дѣлѣ,—совсѣмъ несносный народъ. Одного даже собака побѣдила однажды,—свалила его на землю и грызетъ, насилу отвоевали отъ нее чапара. Что дѣлать въ такомъ грустномъ разѣ? Ну... А онъ, Саммать, говоритъ: „не бойся, кунакъ, я тебѣ худа не сдѣлаю, не трону тебя“. Тронешь,—думаю, не тронешь, а все-же я тебя на всякъ случай попою и покормлю. Поставила жена самоваръ, засѣли мы втроемъ за чай, пью я и думаю—Господи! кровь человѣческую человѣкъ льетъ и чай у меня пьетъ! Очень

погано было мнѣ видѣть его... но однако познакомились мы съ нимъ опять и даже сталъ онъ у меня покупателемъ. Аккуратный человекъ... Частыя деньги... Богъ съ нимъ, думаю себѣ! На его душѣ грѣхъ. Сукно покупаетъ, кумачъ, чай, ситецъ, сахаръ, позументъ, сережки, кожу... И вотъ, сударь вы мой, попалъ я къ нему въ руки однажды, и очень онъ благородно поступилъ со мной. Пера не тронулъ даже...

Было это такъ. Ъду я съ базара изъ одного мѣста, расторговался до-чиста, ъду и вижу—мелькаютъ въ степи люди на коняхъ. А къ вечеру дѣло... Ну, думаю, молись, Лука, Богу. И вдругъ этакіе черти съ ружьями наскочили, обступили, взяли лошадь подъ устцы и гонять въ степь. Холодно мнѣ стало—эхъ думаю, раньше смерти помру! Отогнали отъ тракта версты три,—смотрю—балка и въ ней цѣлый базаръ собрался. Лошади и волы и верблюды, и всѣ почти тѣ люди, что со мной на базарѣ были и прежде меня оттуда уѣхали. Чертей этихъ—съ полсотни будетъ, всѣ на коняхъ, шашки, ружья, кинжалы, револьверты. Понялъ я, что весь народъ, который съ базара къ Шушѣ поѣхалъ—перенять этими собаками и назначенъ для грабежа. Ну что жъ? Это, какъ пожаръ—воля Божія. Сижу въ телѣжкѣ, жду. Вдругъ—Саммать явился, верхомъ, весь въ позументѣ, газыри золоченые, оружіе богатѣйшее. Ахъ ты, шишка! думаю себѣ. А онъ осмотрѣлъ всѣхъ своихъ плѣнниковъ и говорить: „у кого, говорить, деньги есть—давайте! А кто скроетъ—обыщемъ и плохо будетъ!“ Ну, начали-было мы раскошелливаться. И вдругъ—еще скачутъ. Разбойники всполошились, и кричатъ намъ:

— Ложись на землю за возы! Стрѣлять сейчасъ будутъ! Мы видимъ—чапары скачутъ, головъ съ тридцать. Дѣло серьезное. Наскакали, и дѣйствительно начали стрѣлять въ насъ, а разбойники—въ нихъ. Са-

мая настоящая Плевна выходила—пули такъ и свищутъ. Одна моему сосѣду татарину ухо оторвала, другая попала какому-то Самматову молодцу въ животъ—вцѣпился овъ руками въ раненное мѣсто и заоралъ! Больше въ скотовъ попадали чапары, потому разбойники-то за скота прятались. Ну однако видятъ чапары, что имъ это дѣло не въ мочь и пострѣлявши еще нѣскольکو—ускакали въ степь. Разбойники тогда опять за насъ взялись—живо раскошеливайся. И вдругъ этотъ Саммать на меня наѣхалъ—да какъ двинетъ меня нагайкой поперегъ спины! Точно каленое желъзо приложилъ къ тѣлу. Заплакалъ я. А онъ кричить.

— Да это ты, кунакъ? И ты попалъ?

— Попалъ, молъ, вотъ, за грѣхи.

— Ничего, говорить, не бойся, ты, говорить, Лука, совсѣмъ хорошій человекъ. Ты поѣзжай домой, на вотъ лошадь... а твою я послѣ пришлю. Ёхать тебѣ на своей, въ телѣжкѣ не годится, чапары отнимутъ. Вали верхомъ... я тебѣ дамъ провожатыхъ. И, вѣдь, велѣлъ меня до тракта и даже до мѣста моей жизни проводить двоимъ людямъ. И даже, сударь вы мой, телѣжку съ лошадью прислалъ—не обманулъ. Видите какой?.. И не одинъ онъ такой, многіе изъ нихъ очень хорошіе ребята. Разбойничаютъ они все больше у бездѣлья... отъ пустоты жизни и для удалства. Военный народъ—прежде всего. Хорошій народъ, ежели говорить по чести. Конечно, людей рѣзать... это какое же ремесло! Но вѣдь они, только тѣхъ, которые противятся. А чего противиться? Стройка все больше изъ камня, пожаровъ нѣту... ну, есть разбой. Такъ значить—квиты! Въ иномъ мѣстѣ пожаръ, въ другомъ — другое... А разбойники — тоже пить, ѣсть хотятъ. И удалство главная причина.

... Если деревенскій кулакъ изъ Симбирска, поселившійся въ Закавказьѣ ради бо-

лѣе успѣшной наживы, если и онъ, до известной степени, проникся культомъ разбойниковъ героевъ—судите сами, какъ долженъ быть силенъ этотъ культъ среди полудикихъ удалцовъ, туземцевъ. И обратите вниманіе на предупрежденіе Саммата относительно чапаровъ, которые могутъ отнять у Луки лошадь. Это предупрежденіе основано на тучѣ фактовъ, изъ которыхъ я выдергиваю, не выбирая, одинъ.

Въ 92 г. тифлисская судебная палата разсматривала уголовное дѣло узднаго начальника, какого-то князя—если не ошибаюсь—Гуріели. Сей князь обвинялся ни въ чемъ иномъ, какъ именно въ томъ, что вмѣстѣ съ командой изъ чапаровъ, подъ его начальствомъ, онъ совершилъ безчисленное множество разбоевъ и грабежей, хотя по должности своей онъ обязанъ былъ этимъ грабежамъ противѣдѣйствовать, а разбойниковъ ловить. Онъ, впрочемъ, ловилъ и представлялъ въ остроги членовъ другихъ шаекъ, а самъ, съ своими чапарами, занимался тѣмъ же промысломъ, что и излавливаемые имъ люди. За такое пониманіе своихъ обязанностей, онъ былъ приговоренъ къ безсрочной каторгѣ и очень смѣялся по этому поводу.

— Какая такая безсрочная каторга? Развѣ я не умру никогда?.. Что за безсрочная каторга, когда я умереть долженъ..

Какую вообще роль играютъ кары правосудія и какое имѣетъ вліяніе на туземцевъ даже такая страшная кара какъ смертная казнь—вотъ примѣръ,—„картинка съ натуры“ которую я наблюдалъ въ 92 г. въ Гори, уздномъ городѣ тифлисской губерніи.

М. Горькій.

(Окончаніе будетъ).

Збойники на Кавказѣ.

(Очеркъ *).

III.

—старинный грузинскій городокъ въ Курю. Онъ не великъ — съ порядочную деревеньку, вдали него возвышенныя холмы, на холмъ крѣпость, отсюда холмы и у его подножья разбросанныя селенія и домишки, почти все въ известнякѣ. Но, всею городъ отличается какой то обособленностью и дикою оригинальностью. Заойное отъ городомъ, буйныя и мутныя волны около него, неподалеку горы, въ видѣ то правильно расположенныя дырявый пещерный городъ, и еще дальше, опять, вѣчно неподвижныя бѣлыя скалы горы диковаго хребта, осыпанная мелкимъ, никогда не тающимъ льдомъ. Изящъ былъ непривыченъ и необыченъ, величественъ, его тонъ существенно привнесше къ широкимъ холмамъ славяно грядомъ горъ, запыленныя долина котловину, разрѣзанную въ скалахъ желѣзной дороги, казавшейся греди этой простой и дикой и бедной красками, богатой тяжелыми и разнообразно исковерканной и вымощенной, свои хребты въ синее небо.

Вокругъ пейзажа являлась толпа собравшихся кругомъ зрителей. Выбрали праздника, чтобы повѣсить людей, и толпа была разодѣта по праздничному. Народъ шумно и жизнерадостно сидѣлъ за столами съ перекладной, утвердивъ на грубо сколоченномъ помостѣ, пестрыя, вышитыя, стройныя и смугло-красныя сарафаны въ воздухъ гортанно, адресуя ихъ къ двумъ высокимъ столбамъ, стоявшимъ на помостѣ. Одинъ изъ рыцарей имеретинъ, въ рваной и обшарпанной жилетную шею и крѣпко, облокотясь о перекла и улыбаясь, говорилъ съ людьми, пришедшими погнать, какъ онъ умретъ, другой, весь въ томъ рыцарѣ, похожій на большую собаку, стоялъ подъ вѣсѣлицей и, покрутивъ одной рукой усы, другой управлялъ ушами насаженную ему на шею. Сзади стояла бородатый палачъ, человекъ въ желтомъ, страшно обезображенномъ и выжженномъ, в утерькии глазами смотрѣлъ въ лица публики, показывав-

шей ему кулаки, посылавшей краткія ругательства. Загорѣлые русскіе солдатики, держа ружья на плечо, стояли и со скучными лицами, точно деревянные, или вкопанные въ землю, смотрѣли предъ собой ничего не выражавшими глазами. У самаго помоста стояли власти въ мундирахъ, съ сухими и строгими фізіономіями, и среди яркой, говорливой толпы ихъ оффиціальныя фигуры были чѣмъ-то безпочвеннымъ и чуждымъ всему, что окружало ихъ. Одинъ изъ этихъ людей что-то монотонно читалъ, держа предъ своимъ лицомъ листъ бумаги, и иногда смахивалъ этимъ листомъ капельки пота съ лба, набѣгавшія ему на брови. Вотъ онъ кончилъ... палачъ полѣзъ наверхъ по одному изъ бревенъ, усѣлся на перекладинѣ верхомъ и сталъ что-то мастерить тамъ, громко и зло хохоча и подмигивая зрителямъ.

Приговоренный къ смерти поднялъ голову вверхъ и посмотрѣлъ на него. Но на этомъ смугломъ, почти черномъ лицѣ отражалась скорѣе усталость и скука, чѣмъ страхъ предъ будущимъ. Священникъ съ краснымъ лицомъ, толстый и большой, взошелъ на помость, и доски скрипѣли подъ тяжестью его тѣла. Палачъ спустился внизъ, ударивъ ногами о помость, что-то сказалъ преступнику и вокругъ помоста говоръ сталъ тише.

Черному человѣку палачъ связалъ за спиной руки и посмотрѣлъ себѣ подъ ноги. Э тотъ человѣкъ чмокнулъ поднесенное ему къ устамъ изображеніе Распятаго за грѣхи людей, изображеніе безпристрастнаго Судьи всѣхъ судей, чмокнулъ и вспрыгнулъ на табуретъ. Палачъ присѣлъ за чѣмъ-то, тогда преступникъ самъ спрыгнулъ съ табурета и, не доставъ ногами до помоста—повисъ въ воздухъ. Одно мгновеніе онъ висѣлъ неподвижно, потомъ задвигалъ связанными руками, весь вздрогнулъ и вдругъ, дрыгая ногами, сталъ извиваться въ воздухъ. Лицо у него стало красное и странно надулось, точно вступило все сразу.

Толпа глухо гудѣла. Многіе сняли шапки... Кто-то пронзительно и заунывно запѣлъ.

— Хорули!—вдругъ крикнулъ толпѣ другой осужденный, указывая на товарища, все еще бившагося въ воздухъ. Раздался хохотъ: хорули—гурійскій танецъ.

Человѣкъ, которому черезъ минуту предстояло тоже танцевать въ воздухъ этотъ хорули, сплюнулъ въ сторону и улыбнулся, вставая подъ перекладину и осторожно поглядывая на ноги товарища, все еще судорожно вздрагивающія въ воздухъ. Очевидно, онъ боялся, что повѣшенный това-

рищъ задѣнетъ его своими босыми ногами.

— А ты, Васо, давай перхули!—крикнулъ кто-то изъ толпы по-русски. Васо кивнулъ головой. Перхули—то-же танецъ. Васо вязали руки и онъ что-то серьезно говорилъ палачу, указывая кивками головы куда-то на толпу. Она опять замолкла. Вотъ Васо кивнулъ головой направо... на лѣво...

— Прощай!—крикнули два-три голоса по-грузински. Снова головы обнажились...

И Васо началъ танцевать перхули... Когда же онъ неподвижно повисъ рядомъ съ товарищемъ, при чемъ головы обоихъ ихъ свѣсились на грудь, и шеи странно выгнулись—толпа стала расходиться. Шли группами—и я пошелъ за той, въ которой говорили по-русски.

— Васо былъ храбрѣе Самета...

— А! Когда ихъ ловили, я былъ тутъ... ловилъ тоже. Я стоялъ за камнемъ, на углу дороги и все видѣлъ... Васо былъ какъ чекалка *), онъ щелкалъ зубами и такъ махалъ кинжаломъ... ахъ! А Саметъ прыгалъ, какъ мышъ...

— Сколько онъ убилъ, Васо?

— Четверыхъ...

— Четыре? Х-ха! Это только онъ знаетъ сколько!

— Очень сильный былъ...

— О!

— Когда онъ ударилъ Гданели въ брюхо—я видѣлъ дыру—почти до шеи. Изъ Гданели все вывалилось, какъ изъ ящика, когда его опрокинуть...

— А бабу Дзадздали—насквозь. Въ грудь ударилъ—на спинѣ была дыра...

— Такая рука!

— О!

... Все это и многое другое говорилось безъ сожалѣнія о Васо, безъ удивленія ему, просто такъ говорилось, потому что была такая тема. И слушая эти рѣчи, думалось о томъ, сколько времени и мягкихъ усилій, —я говорю мягкихъ, любовныхъ усилій,— нужно для того, чтобы укротить этихъ горцевъ, обезцвѣтить ихъ, охладить гордый пылъ ихъ дикихъ душъ, вытравить изъ ихъ обихода этотъ страшный взглядъ на мужество, на жизнь и смерть?

И что дѣлается для того, чтобъ достичь этого результата, что дѣлается для этого на зарѣ такъ много обѣщающаго XX вѣка, въ наши дни утонченныхъ чувствованій, въ наши дни горячаго протеста противъ всего грубаго и дикаго?

М. Горькій

*) Шакалъ кавказскій.